

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЛЬГИ МОРОЗОВОЙ

Арто
Паасилинна

Воющий
мельник

Арто Паасилинна Воющий мельник

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7990772

Воющий мельник: Издательство Ольги Морозовой; Москва; 2013

ISBN 978-5-98695-058-7

Аннотация

“Воющий мельник” – самый грустный роман финского автора Арто Паасилинна. Действие происходит в деревне в Лапландии, куда после войны приезжает Гуннар Хуттунен. Он покупает водяную мельницу, ремонтирует ее и все, казалось бы хорошо, но сам Гуннар, с его странным характером и привычкой выть по ночам, начинает раздражать жителей деревни и они упекают мельника в сумасшедший дом. «Будь человеком!», «Будь как все!» – твердят ему соседи и врачи, но эти «все» – сами оказываются хуже животных. В конце концов, уже невозможно сказать, кто тут больной, а кто «нормальный».

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Арто Паасилинна

Воющий мельник

© Arto Paasilinna and WSOY

Original title “Ulvova mylläri”

First published in finish by WSOY in 1981, Helsinki, Finland

This translation has been published with the financial support
of FILI

* * *

Часть I

Дурацкая мельница

Глава 1

После войны приехал в губернию с юга высокий мужчина, назвавшийся Гуннаром Хуттуненом. Он не пытался подрабатывать земельными работами, как все южане, а просто взял и купил старую мельницу ва Суукоски на берегу реки Кеми. Местным жителям эта сделка казалась убыточной: мельница не работала с 1930-х годов и разваливалась на части.

Хуттунен заплатил за мельницу и поселился над ней. Местные землевладельцы и члены кооператива до слез смеялись, когда слышали новость: видно, не перевелись еще на свете дураки, хотя много их полегло в войне.

В первое лето Хуттунен починил гонторезный станок, доставшийся ему вместе с мельницей, и дал объявление в газету “Вести Похьолы”. Начиная с этого момента все сараи в Суукоски стали крыть гонтом, это выходило дешевле, чем заводской толь, который к тому же было недостать: немцы сожгли всю Лапландию и стройматериалы стали страшным дефицитом. За рулон рубероида в деревенском магазине при-

ходилось отдавать по шесть килограммов масла. Тервола, хозяин магазина, знал цену вещам.

Гуннар Хуттунен ростом был метр девяносто, русые непослушные волосы, угловатый череп, крупный подбородок, длинный нос, глубоко посаженные глаза, большой крутой лоб. Высокие скулы, узкое лицо. Уши, правда, несколько крупноваты, но зато они не торчали, а были аккуратно прижаты к голове – наверняка родители в детстве заботились о том, чтобы он спал правильно. Младенцу нельзя позволять крутиться в колыбели, если уши у него великоваты: чтобы мальчик не вырос лопухим, его надо все время поворачивать.

Гуннар Хуттунен был стройным и осанистым. Где обычный человек делал шаг, Хуттунен делал полтора. По его следам на снегу казалось, будто человек не шел, а бежал. С первым снегом Хуттунен смастерил себе лыжи, да такие длинные, что до крыши доставали. Хуттунен держал прямой широкий лыжный шаг, отталкиваясь при ходьбе двумя палками одновременно. По дыркам от палок можно было сказать, что здесь проходил Хуттунен.

Было не очень ясно, откуда он был родом. Одни говорили, что из Илмайоки, другие уверяли, что он приехал то ли из Сатакунта, то ли из Лайтила или из Кииккойнен. Однажды Хуттунена спросили, что привело его на север. Он ответил, что на юге у него сгорела мельница. А с мельницей и жена. Ни за ту, ни за другую страховку так и не выплатили.

– Вместе сгорели, – добавил он многозначительно. Собрал из-под обломков мельницы все, что осталось от жены, и предал земле, Хуттунен продал участок, лицензию на водопользование и уехал. К счастью, здесь, на севере, нашлась подходящая мельница, и пусть она еще не на ходу, денег за гонт ему пока на жизнь хватит.

Однако деревенский писарь уверял, что по церковным книгам Гуннар Хуттунен значился холостяком. Как у него тогда могла сгореть жена? Сколько ни судачили, правду так и не узнали, и интерес к этой теме постепенно угас. Подумаешь, там, на юге, и раньше жены сгорали или их сжигали, но не перевелись же они совсем!

На мельника часто нападали периоды глубокой депрессии. Он мог вдруг бросить работу и уставиться в пустоту колючим, суровым и каким-то печальным взглядом. Собеседник невольно вздрагивал, попав в его поле зрения, а разговор с мельником оставлял грустный, если не жутковатый осадок.

Но не всегда мельник был мрачен. Иногда ни с того ни с сего мог развеселиться. Затебал игры, смеялся, шутил, курлыкая, скакал как сумасшедший по березовой роще. Он щелкал суставами пальцев, размахивал руками, изгибал шею, что-то объяснял, бурно жестикулируя. Рассказывал какие-то безумные истории, весело шутил над гостями, хлопал фермеров по спинам, хвалил их ни за что, хохотал, бил в ладоши.

В такие дни молодежь любила собираться на мельнице в

Суукоски посмотреть на веселые представления мельника. Как в старые добрые времена, они проводили вечера, играя в игры, перебрасываясь шуточками. Всем было весело и тепло в уютном старом доме над мельницей.

Бывало, Гунни разводил во дворе костер, гости подкидывали в него сухую дранку и жарили рыбу.

Мельник великолепно изображал лесных зверей, и деревенская молодежь соревновалась, кто первым их угадает. То прикидывался он зайцем, то леммингом, то медведем. То махал длинными руками, словно ночная сова, то, задрав морду к небу, выл, словно волк, да так жалобно и надрывно, что дети испуганно жались друг к другу.

Иногда Хуттунен изображал деревенских жителей, и публика без труда их узнавала. Если он притворялся коротконогим толстяком, что требовало от мельника немалых усилий, все сразу будто видели толстого фермера Гнусинена.

Летние вечера и ночи были самым веселым временем года, молодежь их ждала с нетерпением, иногда неделями. Жители боялись идти на мельницу, а если приходилось – старались сделать дело тихо и быстро. Настроение мельника отпугивало гостей.

Чем дальше, тем дольше длились эти приступы, в такие дни мельник вел себя резко, нервы его были как оголенный провод, он мог ни за что накричать на человека. Угрюмый и злой, мог даже не отдать заказчику гонт, буркнуть: не дам, не готово.

Тот уходил ни с чем, хотя вдоль моста лежало несколько стопок свежеструганого гонта.

Зато когда Хуттунен был в настроении, ему не было равных: он паясничал, словно веселый клоун, ум его работал с быстротой станка, движения были мягкие и непринужденные, он веселил и удивлял народ, сердце радовалось, глядя на него.

А бывало, в самый разгар веселья, снова неожиданно уставится в одну точку, вскрикнет пронзительно и побежит по гнилому водяному желобу за мельницу, через реку, в лес, подальше от людских глаз. Деревья гнулись и трещали, мельник несся через чашу, а когда через час-полтора уставший и запыхавшийся он возвращался на мельницу, деревенская молодежь разбегалась по домам, в страхе рассказывая всем, что у Гунни опять началась черная полоса.

Гуннара Хуттунена стали считать в деревне помешанным. Те, кто жил близко к мельнице, рассказывали в церкви, что Гуннар воет, как лесной зверь, особенно морозными зимними ночами. Он выл с вечера до полуночи, и деревенские собаки были вынуждены отвечать ему тем же. Вся деревня не смыкала глаз. Бедный Гунни, совсем с ума сошел, жаловались жители, даже собак заставляет выть.

Надо с ним поговорить. Взрослый мужик, а воет. Где это видано, чтобы человек выл, как дикий волк.

Но заговорить об этом с мельником никто не решался. Жители надеялись, что он сам одумается и прекратит безоб-

разничать.

Вообще, можно и к вою привыкнуть, – говорили те, кто ждал своего заказа на гонт.

Сумасшедший, зато хорошую дранку стругает, и недорого.

Он обещал мельницу починить, лучше его не злить, а то уедет к себе на юг, – поддакивали фермеры, которые планировали засеять пшеницей поля на берегу реки Кеми.

Глава 2

Однажды весной, когда сходил лед, Хуттунен чуть вовсе не лишился своей мельницы. Тяжелая талая вода нахлынула на плотину и вырвала из нее двухметровый кусок. Толстые льдины набились в гнилой желоб, пробили его гнилые стенки, сломали водяное колесо и снесли бы мельницу, если бы Хуттунен вовремя не спохватился и не открыл штормовой шпигат. Талая вода вышла через люк и, минуя мельницу, вернулась в нижнее течение реки.

Новая вода все прибывала, неся с собой толстые куски льда. Они бились о стены старой мельницы так, что она накренилась. Мельник испугался, что тяжелые жернова продавят перекрытие над турбиной и еще ее сломают.

Хуттунен вскочил на велосипед и помчался к магазину.

Весь мокрый, запыхавшийся, он закричал продавцу Терволе, отмерявшему крупу:

– Продай мне взрывчатку!

Старухи в магазине пришли в ужас при виде потного мельника, требующего взрывчатку. Тервола, прячась за весами, потребовал от Хуттунена разрешения на покупку и пользование взрывчатыми устройствами. Тот закричал, что льдины снесут мельницу, если их не взорвать. Встревоженный Тервола продал наконец мельнику взрывчатку, моток запального шнура и корзину пистолей. Сложив все в картон-

ную коробку, Хуттунен привязал ее к багажнику и покати́л в Сууко́ски.

Вода все прибывала, льдины с грохотом стучали о старые качающиеся стены мельницы.

Терво́ла закрыл магази́н и вместе со старухами поспеши́л в Сууко́ски посмотре́ть, что там происходит. Перед выходом Терво́ла успе́л-таки позвони́ть в це́рковь, чтобы па́стор то́же поспеши́л в Сууко́ски посмотре́ть, как у Хуттуне́на рухнет мельница.

Послышались первые взрывы. Когда народ из магази́на и це́ркви собра́лся на обрыве, разда́лся второ́й взрыв. Ле́дяная кро́шка и ще́пки взлете́ли в возду́х. Де́тям за́претили подхо́дить бли́зко. Мужики спрашива́ли у мельника, что де́лать. Они хоте́ли помо́чь.

Но Хуттуне́ну было́ не до них. Схватив пи́лу и то́пор, он побежа́л по краю́ желоба́ до са́мой плоти́ны, по бревна́м и льдина́м перебра́лся на друго́й бере́г и ста́л, выби́рать подхо́дящую е́ль, бу́дто на прода́жу.

– Ща́с Хуттоне́ну не до вы́тья, – заме́тил толсто́пузы́й ферме́р Гнусине́н.

– Да, ны́нче ему́ не до ло́сей и ме́дведей, хо́ть и публи́ка собра́лась, – пошу́тил кто-то, и все за́смеялись.

Ста́рый невозму́тимый поли́цейский Порти́мо при́казал соблю́дать ти́шину.

– Не издева́йтесь, у че́ловека бе́да.

Хуттуне́н выбра́л высо́кую е́ль. Неско́лько си́льных уда́-

ров под корень, дерево накренилось в сторону реки, тогда он взялся за пилу.

Зеваки на берегу недоумевали, с чего это вдруг мельник бросился валить деревья, когда нужно мельницу спасать.

– Да забыл он уже про мельницу, захотелось дров порубить! – пошутил работник по имени Лаунола, вместе с другими прибежавший из церкви.

Хуттунен услышал его слова с другого берега. Рассердился, кровь забурила в жилах, он готов был ответить тому как полагается, но взял себя в руки и продолжил пилить.

Огромная ель закачалась, Хуттунен вытащил пилу, распрямил спину и ударил по стволу топором. Пушистая крона упала в бурлящую реку, разбивая льдины. Толпа вскрикнула. Только сейчас люди поняли, для чего мельник стал валить лес: ель медленно качалась у плотины, преграждая путь льдинам. Вода просачивалась через мохнатые лапы на сломанное водяное колесо, но лед они не пропускали. Самое страшное осталось позади.

Гуннар Хуттунен вытер пот с лица, прошел по мосту к мельнице, где его ждала толпа.

– Вот тебе и дрова, – пробурчал он Лауноле.

Народ заволновался: мужики извинялись, что не успели ничем помочь, хвалили Хуттунена, мол, молодец, быстро у тебя голова сработала ель-то срубить.

Представление закончилось, но жители деревни расходиться не собирались, к месту действия спешили запоздав-

шие. Последней прибежала толстая жена Сипонена. Задышавшись, она спрашивала всех, что тут произошло.

Хуттунен же приготовил еще один заряд и закричал:

– Что, слишком короткое представление? Ну так вот вам еще, чтоб не зря пришли!

Мельник стал изображать журавля, прыгал на одной ноге по берегу, курлыкал, изгибал шею, будто ища в снегу лягушек.

Растерянные жители отходили от него подальше, успокаивали, кто-то сказал, что он, дескать, помешанный.

Но не успела толпа разойтись, как Хуттунен запалил фитиль, и тот зло зашипел. Публика пустилась наутек. Но не успела она отбежать и на пару шагов, как Хуттунен бросил взрывчатку в реку, там она и взорвалась. С глухим треском разлетелись вода и куски льда, обдав зевак холодными брызгами. С криками народ ринулся прочь и, добежав до трассы, остановился, бросая гневные проклятия в сторону мельницы.

Глава 3

После наводнения Хуттунен занялся ремонтом мельницы. Он заказал на лесопилке три телеги бруса, досок и фанеры. Купил у Терволы два ящика гвоздей, мелких и четырехдюймовых. Нанял в деревне трех рабочих вбить сваи в плотину.

Через несколько дней уровень воды восстановился. Хуттунен расплатился с рабочими и принялся за ремонт водяного желоба. Он полностью заменил ту часть, что шла от плотины к гонторезному станку, на что ушло полтора грузовика пятидюймовых досок.

Стояли ясные теплые дни, дул ветерок, что еще надо строителю? Хуттунен был человеком дела и хорошим плотником. Работа так его увлекла, что даже спать не хотелось. В четыре-пять утра вставал, шел к желобу, тесал доски и брус, в полдень готовил кофе и снова принимался за работу. В жару он оставался в доме подольше, дремал, просыпался к вечеру, бодрый и готовый к работе. Поев, бежал к плотине. До ночи раздавались с мельницы стук топора и удары молотка.

В деревне Гуннара считали дважды больным – на голову и на работу.

Прошло полторы недели, водяной желоб был готов. Он подавал воду из реки в нужном направлении, заставляя работать мельницу и станок. Ремонт станка Хуттунен начал с того, что починил водяное колесо. Лопасти пришлось менять,

они совсем прогнили. Зато ось, на которой держалось колесо, еще могла послужить.

Хуттунен разделся, оставшись в одних трусах, прыгнул в реку и начал устанавливать колесо. За этой работой застала мельника неожиданная гостья.

На мосту стояла женщина лет тридцати, светловолосая, в теле. Одета она была в платье в цветочек, на голове – светлый платочек. Миловидная, с пышными формами, ее нежный, как у девочки, голос Хуттунен не услышал за рокотом реки.

– Господин Хуттунен! Господин Хуттунен!

Женщина смотрела, как мускулистый мельник боролся с ледяной водой, пытаясь установить водяное колесо, а оно никак не хотело садиться на ось – слишком сильное течение.

Поднатужившись, мельник наконец установил колесо, отбежал подальше. Оно завертелось, сначала медленно, затем все быстрее.

Хуттунен издалека любовался своей работой:

– Вот тебе, будешь у меня знать!

Укротив водный поток, Хуттунен услышал нежный женский голос:

– Господин Хуттунен!

Мельник обернулся. На мосту стояла красивая молодая женщина. Сняв с белокурой головки платочек, она приветливо махала ему, живое воплощение солнца и ветра. Хуттунен смотрел на нее снизу, на ее крепкие ляжки и мускули-

стые икры. Платье, развеваясь на ветру, открывало ее трусики, чулки со швом и пояс. Она, видимо, не догадывалась, что все было так прозрачно, а может, и не стеснялась вовсе демонстрировать свои округлости.

Хуттунен выскочил из воды и быстро оделся.

Женщина спустилась с моста и протянула ему руку.

– Председатель огородного кружка Роза Яблонен.

– Очень приятно, – только и выговорил Хуттунен.

– Я здесь новенькая. Хожу по домам, помогаю. Я уже шестьдесят домов обошла, но еще много осталось.

Председатель огородного кружка? Что она забыла на мельнице?

– Жена Гнусинена сказала, что вы живете один, – объяснила она, – и я решила вас навестить. Одинокие люди тоже могут разводить огород.

Председатель начала рассказывать о своей работе, она говорила, что овощеводство – лучшее занятие для сельского жителя. Овощи – прекрасное дополнение к рациону, в них полно витаминов и полезных веществ. Даже на пятачке земли, если засеять его зеленью и овощами, при правильном уходе, разумеется, можно собрать столько урожая, что небольшая семья будет всю зиму питаться здоровой пищей. Надо лишь начать и проявить усердие. Это того стоит!

– Что, если и вам завести огород? Овощи сейчас в моде, даже мужчине не стыдно заняться их разведением и потреблением.

Хуттунен сопротивлялся. Он говорил, что живет один, ему вполне хватает мешка репы и брюквы, которые он, если приспичит, купит у соседей.

– Без разговоров, за дело! Для начала я дам вам немного семян. Пойдемте подыщем подходящее место для грядки. Никто из огородников еще не пожалел.

Хуттунен пытался объяснить:

– Так я еще это... сумасшедший. Разве вам в церкви не говорили?

Председатель огородного кружка хихикнула в платок, будто всю жизнь работала с сумасшедшими. Она решительно схватила мельника за руку и повела к мельнице. Там она обозначила в воздухе границы будущего огорода, мельник только крутил головой за ее белой ручкой. Под огород отводилась довольно большая площадь. Он покачал головой. Председатель немного сузила границы – обратной дороги нет. Она воткнула по углам огорода четыре березовые ветки.

– Для такого крупного мужчины этого даже мало, – сказала она и принесла портфель.

Усевшись на траву, председатель огородного кружка достала из портфеля пачку бумаги и начала ее раскладывать. Ветер уносил листки, Хуттунен их собирал и приносил ей. Все ему стало казаться чудесным, радостным: он протянул листы председателю, она мило засмеялась и поблагодарила. Мельник так обрадовался, что чуть не завыл от счастья, но вовремя сдержался. Пусть гостя думает, что он обычный

человек, хотя бы первое время.

Председатель записала Гуннара Хуттунена в члены огородного кружка, нарисовала ему эскиз будущего огорода, написала названия культур: свекла, морковь, брюква, горох, лук, травы. Она хотела включить в список раннюю капусту, но потом вычеркнула, потому что не было саженцев.

– Давайте для первого раза ограничимся обычными овощами. Со временем можем расширить ассортимент, – решила она.

Председательша выдала мельнику пакетики семян, пообещав, что деньги он может отдать в следующий раз.

– Вначале надо посмотреть, примутся ли они... Я уверена, что скоро вам, господин Хуттунен, откроются новая жизнь и чудеса овощеводства.

Хуттунен сомневался, что у него получится заниматься огородом, ведь он никогда раньше ничего подобного не делал.

Председатель огородного кружка не считала этот вопрос достойным обсуждения: прочитав ему лекцию о правильном уходе за растениями, дав четкие указания по возделыванию и удобрению почвы для каждой культуры, она объяснила, какой ширины должны быть ряды, как глубоко сажать семена, чтобы они принялись.

Вскоре Хуттунену стало казаться, что огород – самое увлекательное в мире занятие, тем более для него, так как летом на мельнице работы особой нет. Он пообещал сразу

же взяться за дело, достал из сарая лопату и тяпку.

Председатель огородного кружка внимательно следила, как этот здоровый мужчина, орудуя тяпкой, ворочает огромные комья земли. Она взяла комочек, помяла, понюхала и сказала, что у него самая лучшая земля в деревне.

Увидев, что председательша запачкала ручки, Хуттунен ринулся на мельницу за ведром, зачерпнул в реке воды и принес ей.

– Ой, ну что вы! Не стоило, – сказала она, покраснев, и поболтала рукой в ведре. – Вот вы из-за меня брюки до колен намочили, что теперь делать?

Черт с ними, с этими брюками, думал счастливый мельник. Главное, что она довольна.

Хуттунен принялся с воодушевлением орудовать тяпкой, оставляя в земле глубокие борозды, словно после плуга.

Председательша сложила бумаги в портфель, взяла велосипед и протянула мельнику руку:

– Если возникнут вопросы, обращайтесь, я живу у Сипоненов, на втором этаже. Не стесняйтесь, возможно, я что-то забыла рассказать.

Председатель огородного кружка покрыла свои золотые кудри платком, повесила на руль портфель и уселась на седло. Ее широкий зад полностью скрыл сиденье велосипеда. Она ехала вниз по дорожке, а ветер приветливо раздувал ее легкое платье.

У леса председательша остановилась, оглянулась на мель-

ницу и задумчиво произнесла:

– Боже мой...

Разгоряченный мельник теперь не знал, за что браться. Председательша огородного кружка уехала и торопиться было уже некуда. Он пошел на мельницу, оперся о жернов, потер руки, закрыл глаза, вспомнил их встречу. Вдруг напрягся, выскочил на улицу, побежал к реке и с головой окунулся в ледяную воду. Выйдя на берег, он дрожал, зато был спокоен.

Вернувшись на мельницу, Хуттунен посмотрел из окошка на дорогу и тихо что-то пробурчал, но выть не стал.

Вечером Хуттунен снова принялся рыхлить огород и до ночи удобрял его навозом. Потом снова перекопал и посеял семена, которые ему дала председатель огородного кружка.

Светало. Он полил грядки и пошел спать.

Счастливый мельник завалился на кровать: теперь у него был собственный огород, а это означало, что очаровательная председательша к нему скоро опять заедет в гости.

Глава 4

Все последующие дни Хуттунен ремонтировал мельницу. Он починил побитый желоб между мельницей и гонторезным станком. Заменял одну или две доски. В нижней части поменял несколько бревен – они совсем прогнили. Если встать на край желоба и подвигаться, он раскачивался, пропуская воду, и колесо крутилось слабее.

Через пять дней Хуттунен сделал пробный запуск. Он перекрыл доступ воды к станку, чтобы вся вода поступала в мельничную турбину. Жернова завертелись сначала медленно, потом быстрее.

Убедившись, что турбина работает хорошо и на лопасти поступает достаточно воды, Хуттунен поднялся выше, смазал все оси и подшипники, sprыснул маслом самые мелкие шарниры. При помощи осиновой рейки натянул на вращательное колесо оси просмоленный ремень, обмотал вокруг барабана. То же самое Хуттунен проделал с верхним жерновом, затем он обмотал ремень передачи вокруг втулки, чтобы тот не слетел с ведущего колеса. Ось турбины повернулась, натянула ремень, тяжелый верхний жернов пришел в движение. Если бросить туда пригоршню зерна, мельница наполнится ароматом свежемолотой муки.

Мельница заработала. Жернова глухо скрипели, натягивая ремень, лопасти стучали, мельница сотрясалась, а внизу,

где была турбина, под напором воды издавало неясные звуки водяное колесо.

Хуттунен опустил ремень на другую шестеренку, и второй жернов заработал.

Хуттунен облокотился на пустой мучной короб и, закрыв глаза, слушал знакомый скрип. Лицо его было спокойно, ни следа обычного веселья или печали.

Жернова крутились и крутились, только спустя некоторое время Хуттунен закрыл шлюз, колесо замедлило ход и совсем остановилось. Снова воцарилась тишина, прерываемая лишь тихим журчанием реки.

На следующий день Хуттунен пришел в магазин сообщить, что берет на помол прошлогоднее зерно.

Продавец Тервола искоса посмотрел на мельника.

– Мне пришлось записать динамит на себя. Полиция спрашивала, есть ли у тебя разрешение. В следующий раз не продам, ты и без того чудной.

Хуттунен прошелся по магазину, как будто не слышал ворчания Терволы, взял из коробки бутылку пива и закурил. Папиросы закончились, и мельник, разорвав пачку, нацарапал на ней объявление, что мельница в Суукоски снова работает и можно приносить зерно. Выдернув из двери старую кнопку, он приколот свое объявление.

– Зачем ты, несчастный, бросил взрывчатку в реку, да еще у всех на виду?

Тервола взвешивал жене учителя пакет сухофруктов. Хут-

тунен положил пустую бутылку обратно и бросил на прилавок монеты.

Тервола посмотрел на весы и снова заворчал:

– Правду говорят, лечиться тебе надо.

Хуттунен резко повернулся, посмотрел ему в глаза и спросил:

– Скажи, Тервола, почему у меня морковь не всходит? Я ее каждый божий день поливаю, земля вся черная, но никаких признаков жизни.

Тервола проворчал, что речь сейчас не о том.

– Вот наша дочь уже второе лето ходит к тебе на мельницу. Куда это годится, чтобы дети по ночам бегали рассказы всяких дураков слушать?

Хуттунен положил кулак на весы и сказал:

– Ровно десять кило. Ставь гири.

Затем сам бросил несколько гирь на весы и снова опустил чашу.

– Теперь мой кулак весит пятнадцать кило.

Тервола попытался убрать его кулак с весов. Пакет с сухофруктами упал, сухие яблочные дольки рассыпались по полу. Жена учителя отскочила.

Хуттунен схватил весы и вышел, сорвав зубами свое объявление. Во дворе магазина стоял колодец, мельник бросил весы в ведро и аккуратно опустил их в воду.

Из магазина выбежал Тервола, крича, что это была последняя капля.

– В психушку тебя надо, немедленно! Все, Хуттунен, отныне в мой магазин тебе вход заказан!

Хуттунен пошел к церкви, размышляя, как же так вышло. Ему было не по себе, но когда он вспомнил про весы в колодце, настроение улучшилось.

У кладбища он остановился и повесил на воротах объявление, которое все это время нес в зубах.

Объявление гласило:

“Мельница в Суукоски снова работает. Хуттунен”. Оттуда Хуттунен отправился в деревенский ресторан, где, выпив бутылку пива, объявил завсегдатаям из разных концов губернии:

– Передайте всем, у кого есть зерно, пусть приносят его в Суукоски. – Допил пиво и ушел. В дверях он обернулся и добавил:

– Обработанное зерно и кормовое не беру. Мельница от них портится.

У дома Сипонена мельник замедлил шаг, заглянул в окна второго этажа – там ли председатель огородного кружка? Поискал глазами ее синий велосипед. Не видать. Наверное, разъезжает, учит детишек, как вести огород, раздает хозяйкам семена и рецепты овощных блюд. Вспомнив свой пустой огород, мельник почувствовал легкую ревность при мысли, что в этот самый момент председательша учит каких-то нерадивых сорванцов, как прореживать морковь, толстых матрон – как правильно срезать салат, а к нему даже не

зашла. Заглянула бы на секунду, посмотрела, как усердно он рыхлит и удобряет почву, как аккуратно сажает семена! Все по инструкции.

Или это злая шутка? Взрослый мужик, точно ребенок, возится в огороде. Мало, что ли, над ним тут насмеются, дураком считают... Неужели и она туда же? От одной этой мысли ему стало тошно.

Гуннар Хуттунен повернулся и, кипя от гнева, побежал в Суукоски.

Навстречу ему из магазина ехала жена учителя. Увидев мельника, она остановилась и прижалась к обочине.

Добежав до мельницы, Хуттунен осмотрел огород. Он был по-прежнему пуст и безжизнен.

Поливая забытые богом и председательшей грядки, Хуттунен чувствовал себя тоже брошенным и забытым. Ему стало грустно, он закрылся в своей каморке, скинул резиновые сапоги и, не поев, завалился на кровать. Несколько часов он ворочался с боку на бок, пока наконец не заснул. Спал он беспокойно, его мучили смутные тяжелые сны.

Глава 5

Хуттунен проснулся затемно, взглянул на карманные часы, они показывали четыре.

Отличные часы. Хуттунен купил их во время перемирия у одного разорившегося немецкого солдата в Риихимяки, тот уверял, что им не страшны ни вода, ни время. Немец не обманул. Однажды Хуттунен на спор засунул часы в рот, вошел в сауну, пропарился два часа, дважды нырнув в озеро. Опустившись на дно, он полежал, слушая, как громко тикают часы под водой. Давление там было больше, чем в сауне, и то они тикали. Когда Хуттунен вытащил часы изо рта, вытер их насухо, оказалось, что они прекрасно работали, будто все время пролежали в сухом кармане. Часы ходили без сбоя.

Заводя часы, Хуттунен вспомнил о председателше. Она говорила, что если возникнут проблемы с огородом, он должен прийти к ней за советом.

А что, если правда пойти к ней за советом по поводу огородных дел? У него была веская причина для визита – он усердно поливал землю в течение шести дней, а все еще никаких признаков жизни. Вот он и спросит ее, вдруг это испорченные семена? Попросит другие. Вполне разумные основания для официального визита. Кто ему запретит пойти к ней сейчас в гости?

Хуттунен выпил полкувшина холодной воды, вскочил на

велосипед и поехал к дому Сипонена.

Деревня словно вымерла: на пастбищах ни коровы, в полях ни души, только птицы щебетали, разбуженные летней зарей, да сонные собаки лениво лаяли на велосипед. Из труб не поднимался дым, все спали.

Собака Сипонена гавкнула, услышав, что Хуттунен въехал во двор. Дверь была не заперта, и мельник вошел в сени. Занавески были задернуты.

– Здрасте.

Первым проснулся работник Лаунола, сонно ответил на приветствие. Из комнаты вышел хозяин, низенький пожилой мужичок, чем-то похожий на слона. Близорукий Сипонен, зевая, подошел к мельнику, посмотрел снизу вверх, узнал гостя, предложил ему сесть.

За хозяином вбежала жена, приземистая и такая толстая, что даже ноги не влезли в резиновые сапоги – приходилось разрезать голенища до середины икры.

Она поздоровалась, посмотрела на стенные часы и спросила:

– Опять с мельницей что случилось? Чего ты среди ночи прибежал?

Хуттунен сел за стол, закурил, предложил папиросу Сипонену, который только натягивал штаны.

– Да ничего. Спасибо за вопрос. Вот решил заглянуть, давно не виделись.

Хозяин сел напротив, закурил папиросу, вставленную в

мундштук. Он внимательно посмотрел гостю в глаза, но ничего не заметил.

Лаунола вышел по нужде, вернулся и, так как с ним не говорили, отвернулся к стене и захрапел.

– А что, председательша дома? – спросил Хуттунен.

– Спит, наверное, у себя, – ответил Сипонен, указав на лестницу, которая вела на второй этаж, под самую крышу.

Хуттунен затушил папиросу и двинулся к лестнице.

Хозяева недоуменно переглянулись. Послышались тяжелые шаги мельника по ступеням, гул, видно, ударился головой о потолок. Стук в дверь и женский голос, дверь закрылась.

Жена Сипонена полезла на лестницу послушать, что там наверху происходит, но ничего не было слышно.

Сипонен прошептал:

– Поднимись повыше, только не скрипи. Иди же, иди, потом мне расскажешь. Не скрипи! Черт возьми эту толстую бабу, вся изба колышется.

Удивленная ранним визитом председательша принимала Хуттунена в ночной сорочке.

Он стоял в маленькой тесной комнатке, в одной руке держа кепку, другую протянул для приветствия.

– Доброе утро, госпожа председатель... Простите, что я к вам в такое время, думал, тут уж точно вас дома застану. Я слышал, вы с утра до вечера разъезжаете по округе, помогаете.

– Но в это время я обычно дома. Который час? Наверное, и пяти нет...

– Неужели я вас разбудил? – испугался мельник.

– Ничего... Хуттунен, садитесь, пожалуйста, зачем стоять... Тут потолки низкие. Большие комнаты с высокими потолками нынче дороги.

– А тут у вас красиво... У меня-то там даже занавесок нет, на мельнице-то. В комнате... На самой-то мельнице они не нужны.

Хуттунен присел у печки на табуретку. Собирался было закурить, но передумал. В женской комнате было как-то неприлично.

Председательша сидела на кровати, откинув спутавшиеся ото сна кудри, она была прелестна. Большие груди колыхались под сорочкой, вырез которой открывал нежную ложбинку. Глаз не оторвать.

– Я каждый день ждал, что вы приедете к нам, на мельницу. Я весь огород-то засеял, как договаривались. Пришли бы, посмотрели.

Роза Яблонен нервно засмеялась.

– Да я как раз собиралась на следующей неделе.

– Что-то долго все это. И семена никак не всходят. Председательша его успокоила, сказав, что пока рано, их только недавно посеяли. Надо потерпеть. Он может спокойно возвращаться домой, корнеплоды точно уже дали всходы.

– Значит, мне уйти? – уныло спросил он.

Мельнику не хотелось уходить.

– Я приеду посмотреть на ваш огород на следующей неделе, – пообещала председательша. – А сейчас не самое удобное время для визита, я же здесь квартирантка. Хозяйка строгая, хоть и толстая.

Хуттунен решил потянуть время:

– Можно я еще полчаса посижу?

– Поймите же, господин Хуттунен...

– Я пришел, потому что вы сказали, что можно в любое время, если будут вопросы.

Роза Яблонен была смущена. Она бы с удовольствием позволила этому красивому и странному мужчине сидеть возле печки, но это было как-то неприлично. Странно, что она его совсем не боялась, хоть и говорят, что он сумасшедший. Но все-таки надо было его как-то выдворить, нельзя ему тут засиживаться. Что хозяева внизу подумают?

– Увидимся в рабочее время... Например, в магазине или в кафе, на улице или в лесу... только не здесь.

– Значит, надо мне идти...

Тяжело вздохнув, Хуттунен надел кепку и бросил прощальный взгляд. У Розы Яблонен не оставалось сомнений: мельник влюблен, иначе почему он был такой грустный?

– До свидания, Хуттунен. Увидимся в более подходящем месте.

Его грусть немного развеялась. Он схватился за дверную ручку, вежливо кивнул и распахнул дверь. Дверь ударилась

обо что-то тяжелое и мягкое. На лестнице послышался громкий вой и что-то грузно покатилося. Оказалось, что жена Сипонена все это время стояла, прильнув к двери чердака, и слушала, о чем говорит мельник с квартиранткой, а когда дверь открылась, ударив ее в ухо, она потеряла равновесие и покатилась по крутой лестнице. Хорошо еще, что жена Сипонена была толстая, как бочка, и мягко скатилась по ступеням на пол. Сипонен ее поднял – из уха текла кровь, она орала так, что стекла дрожали.

Прибежал Лаунола.

Мельник и председательша спустились вниз.

Хозяйка ревела на полу.

Сипонен гневно взглянул на Хуттунена и закричал:

– Черт тебя принес среди ночи к мирным людям, еще и жену мою убил!

– Да жива еще твоя жена, – успокаивал работник. Хозяйку перетащили в комнату, уложили на кровать.

Покончив с этим, Хуттунен ушел. Он сел на велосипед и на всех скоростях помчался на мельницу.

Сипонен, стоя на крыльце, кричал ему вслед:

– Если моя баба не оправится, будешь мне платить за утерю кормильца! Судиться с тобой буду!

Собака Сипонена лаяла еще долго.

Глава 6

Неделю Хуттунен смотрел на пустой огород, не решаясь показаться в деревне. Но тут его одиночеству пришел конец.

Председатель огородного кружка приехала на мельницу, дружески поздоровалась и принялась щебетать про свои грядки. Ростки салата уже показались, скоро и морковка пойдет, уверяла она. Взяла с Хуттунена деньги за семена и дала инструкции, как пропалывать и рыхлить почву.

– Самое главное тут – аккуратность.

Счастливый мельник приготовил ей кофе с баранками.

Разобравшись с огородом, Роза Яблонен вернулась к теме его последнего визита.

– Мы должны серьезно поговорить о вашем поступке.

– Этого больше не повторится, – пообещал пристыженный мельник.

Роза сказала, что и первого раза было больше чем достаточно: жена Сипонена не встает с кровати, даже свой коровник забросила. Сипонен вызывал врача.

– Доктор Эрвинен осмотрел ее со всех сторон, народ созвали – такая толстуха, одному никак. Ухо прописал промывать, наложил повязку. Дверная ручка попала прямо в ухо, наверное, в нем все дело. Доктор туда кричал и сказал, что слух есть, хотя жена Сипонена притворяется глухой. Направил ей фонарик в глаза, очень близко, и вдруг как закричит

в больное ухо! Эрвинен сказал, что барабанная перепонка у нее так и подскочила, значит, слух где-то там есть, но муж не верит. Потом мы все вместе кричали ей в ухо, заглядывали в глаза, но так ничего и не добились. Сипонен сказал, что из-за тебя его жена оглохла и тебе это дорого станет.

Хуттунен умоляюще взглянул на председательшу, надеясь, что плохие новости на этом закончились, но она продолжала:

– Доктор Эрвинен считает, что жена Сипонена должна встать с постели и начать работать. А та жалуется, что у нее отнялись все конечности, и продолжает лежать. Она всем говорит, что парализована и что больше никогда не встанет с кровати. Ну, раз она так решила, тут уж Эрвинену нечего сказать. Он ушел, бормоча, мол, хочет – пусть лежит хоть до Судного дня. Сипонен пригрозил, что найдет врача получше, который обнаружит у его жены паралич, и тогда Гунни пусть только попробует не раскошелиться!

Вон оно, значит, как повернулось, думал Хуттунен. Жена Сипонена славилась на всю округу как самая ленивая и толстая, а теперь у нее появился прекрасный предлог валяться в кровати. Лаунола, проницательный тип, конечно, подтвердит всё, что хозяйева прикажут.

Председатель призналась, что рассказала Хуттунену об этом, потому что не считала его виноватым, и к тому же он ей нравился.

Может быть, пора перейти на “ты”?

– Только будем на “ты”, когда мы одни, чтобы никто не слышал, – попросила она.

Мельник пришел в неописуемый восторг. С того момента председатель называла его не иначе как Гуннар.

Хуттунен подлил ей кофе. Тогда председательша подняла главный вопрос – о его раннем визите.

– Гуннар, могу я тебе задать очень личный вопрос? Такое щекотливое дело, о нем много в деревне толкуют.

– Спрашивай, я не рассержусь.

Ей было трудно начать. Она отхлебнула еще кофе, разломила баранку, взглянула в окно, хотела, было, поговорить про огород, но решила все-таки задать вопрос.

– В деревне поговаривают, что ты не такой, как все...

Хуттунен смущенно кивнул:

– Знаю... Они считают меня помешанным.

– Ну да... Вот я вчера пила кофе у жены учителя, и там мне рассказали, что у тебя не все дома... Что ты можешь быть опасен, и все такое. Жена учителя сказала, что однажды ты ни с того ни с сего схватил в магазине весы и спустил их в колодец. Это, наверное, все выдумки, нормальные люди так не поступают.

Хуттунену пришлось признаться, что он действительно спустил весы Терволы в колодец.

– Пусть ручку покрутит – достанет.

– А еще рассказывают про динамит, и еще... Это правда, что ты зимой воешь?

Хуттунену стало стыдно. Пришлось сознаться и в этом.

– Ну, бывает, подвываю... Но я не со зла.

– А еще говорят, что ты изображаешь разных зверей... и глумишься над деревенскими, над Сипоненом и Гнусиненом, над учителем и Терволой... Это тоже правда?

Хуттунен признался, что, бывает, на него находит, и просто необходимо выкинуть что-нибудь эдакое.

– Как будто в голове стучит. Но так я не опасен.

Председательша молчала. Ей было грустно. Она смотрела, как трогательно мельник разливает кофе.

– Давай я тебе помогу, – промолвила она и взяла его руку в свою. – Ужасно, когда человек воет от одиночества.

Хуттунен закашлялся и покраснел. Председатель огородного кружка поблагодарила за угощение и стала собираться.

Хуттунен встрепенулся:

– Подожди, не уходи, разве здесь тебе не хорошо?

– Если в деревне узнают, что я к тебе захоживаю, меня уволят с работы. Сейчас мне точно пора.

– А если я брошу выть, ты придешь ко мне еще?

Хуттунен начал торопливо говорить, что если она боится встречаться у него на мельнице, то почему бы им не встречаться в другом месте, например в лесу? Он пообещал подыскать подходящее место, где они могли бы иногда видаться, не вызывая подозрений.

– Но это должно быть надежное место, – сомневалась она. – И не слишком далеко, а то я заблужусь. На мельницу

я могу приходить только дважды в месяц, как к другим огородникам, а то начнутся сплетни. Союз огородников этого не потерпит.

Хуттунен обнял ее. Роза не сопротивлялась.

– Не такой уж я дурак, чтоб не понять, – прошептал он.

Для дальнейших встреч мельник предложил Леппасаари, островок, поросший ольшаником, в километре от деревни, если идти вдоль реки. Хуттунен уверял, что туда никто не сунется, это красивое укромное местечко, и совсем недалеко.

– Я сделаю мостик через ручей, чтобы тебе не надо было надевать резиновые сапоги.

Председательша пообещала завтра же прийти туда, если Хуттунен пообещает больше не создавать себе проблем.

Хуттунен дал слово быть человеком.

– Я буду тихо сидеть тут в Суукоски и не выть, даже если очень захочется.

Председательша напомнила ему, как важно каждый вечер поливать саженцы, потому что лето выдалось сухое и солнечное. И ушла.

Счастливый Хуттунен остался на мельнице, посмотрел на серые стены и подумал: не покрасить ли ее? Например, в красный.

Глава 7

Во дворе мельницы, в столитровом котле Хуттунен варил, помешивая на среднем огне, красную охру. Он был счастлив и полон энергии, предвкушая завтрашнее воскресенье, когда он встретится с председательшей огородного кружка.

Хуттунен заранее соорудил из двух бревен мостик через ручей. В ольшанике он построил шалаш, пол устелил травой. Комары туда не залетали – женщины не любят, когда их комары кусают. Роза Яблонен наверняка обрадуется, думал счастливый мельник.

Красная охра с ржаной мукой дали красивый темно-красный цвет. Краска была готова, значит, в воскресенье мельница засияет по-новому. Вышло совсем недорого: мука у Хуттунена была своя, а охру и купорос пришлось купить.

Во двор въехал на лошади Гнусинен. В телеге лежала дюжина мешков с зерном, а сверху восседал сам упитанный фермер. Мельник обрадовался, что сосед привез ему на молотильню прошлогоднее зерно.

Хуттунен подбросил дров в огонь, на котором кипел котел, и помог Гнусинену привязать коня.

– Ишь ты, маляром заделался? – поинтересовался Гнусинен, пока они таскали мешки с зерном. – Я прочел тут на воротах кладбища, что твоя мельница снова на ходу, и вот притащил, что осталось... Раз есть своя мельница, надо пользо-

ваться. Даром, что ли, вода под ней течет!

Хуттунен включил мотор, развязал мешок и высыпал первую порцию зерна.

Мельница наполнилась ароматом свежей муки.

Они вышли во двор, Хуттунен угостил гостя куревом, а сам подумал: все-таки дельный у него сосед, этот Гнусинен, не то что Сипонен и его ленивая баба.

– Хороший у тебя мерин, – похвалил Хуттунен, показывая расположение.

– С норовом, а так ничего.

Гнусинен кашлянул. Хуттунен сразу понял, что сосед не только за мукой приехал. Неужели новости от Сипонена привез? Или от Терволы? Или от учителя?

– Так, между нами... Мы же соседи, хочу тебя, Гунни, предупредить. Хороший ты мужик, нет к тебе претензий... Одна в тебе беда. Тут в общественном комитете поговаривают, я ж председатель...

Хуттунен затушил папиросу, зарыл бычок, насторожился: к чему это он клонит?

– Как тебе объяснить... Многие на тебя жалуются. Пора бы тебе бросить это вытье и прочие выходки. Даже в комитет на тебя написали.

Хуттунен сурово взглянул на соседа.

– Говори прямо, чего они хотят?

– Я же сказал. Ты должен перестать выть. Куда это годится – взрослый мужик с собаками соревнуется! Прошлой зи-

мой и вот весной – всей деревне не давал ночами спать. Моя жена всю весну глаз не сомкнула, тебя все слушала, и дети плохо учиться стали. Дочь двойки стала приносить. Вот что значит не спать по ночам, а летом пропадать на мельнице и слушать твои дурацкие сказки.

– Ну весной я не так часто выл-то, – оправдывался Хуттунен. – Всего-то пару раз по-настоящему...

– Ты оскорбляешь людей, паясничаеть, издеваешься. Вот и учитель Коровинен жаловался. Ладно бы ты только зверей изображал, так ты еще и динамит в воду швыряешь.

– Да это же шутка была!

Гнусинен распалился, с пеной у рта он набросился на мельника:

– Шутка! А сколько ночей я из-за тебя просидел без сна, слушал, как ты подвывает у себя на мельнице, вот так, узнаешь?

Подняв руку и повернув лицо к небу, Гнусинен завыл. От его пронзительного крика даже конь встрепенулся.

– Вот так ты всю округу на уши ставишь. Совсем с ума сошел! А эта твоя “пантомима”? То ты медведь, то ты лось, то какая-нибудь чертова змея, то журавль... Посмотри ты хорошенько, подумай, по-людски это?

Гнусинен заходил по двору, переваливаясь, словно медведь, рычал и махал руками, вставал на четвереньки, ревел, так что его конь от испуга стал рвать удила.

– Это был медведь, узнал? А вот это кто, угадай! Сколько

раз ты его показывал!

Гнусинен поскакал вокруг котла с краской, фыркал и бил копытом, точно олень, тряс головой, рыл землю, нагибался, делая вид, что ест ягель. Потом из оленя он превратился в лемминга: поджал губы, встал на задние лапки, злобно фыркая в сторону Хуттунена, забился под телегу.

Хуттунен наконец не выдержал:

– Хватит, идиот! Тоже мне мужик, не можешь как следует зверя изобразить? Если я медведя и показывал, то не так бездарно и неуклюже.

Гнусинен перевел дух и заставил себя успокоиться.

– Я это к тому, что если ты не бросишь свои глупости, комитет свяжет тебя и отправит в психушку в Оулу. С доктором Эрвиненом я уже говорил. Он сказал, что у тебя не все дома. Что ты маниакально-депрессивный сумасшедший. Ворвался ночью и лишил жену Сипонена слуха. Припоминаешь? В магазине украл весы и бросил в колодец. Терволе теперь приходится крупу на глаз вешать, сколько скандалов из-за этого.

Хуттунен разозлился. Кто дал Гнусинену право приходить сюда, на мельницу, жаловаться и угрожать? Фермер чуть было не схлопотал по толстой морде, но мельник вовремя вспомнил предупреждение Розы Яблонен.

– Забирай свою муку, зерно и проваливай! Не буду тебе ничего молотить. И чертову клячу свою убирай с моего двора или будешь ее из реки вылавливать!

– Смелешь то, что я тебе прикажу, – ответил Гнусинен с ледяным спокойствием. – Есть еще в мире закон, ты у меня узнаешь. Может, у себя на юге тебе такое сходило с рук, но у нас не пройдет. Я тебя предупредил, повторять не буду.

Хуттунен бросился в дом, остановил мельницу. Смолотую муку развеял по полу. Затем взвалил на спину тяжеленный мешок с зерном, выбежал на мост, снял с пояса нож и вспорол его. Зерно посыпалось в реку, а за ним полетел и мешок. Такая же участь постигла остальные мешки.

Гнусинен испугался, отвязал своего мерина и помчался к трассе, откуда закричал мельнику:

– Это была твоя последняя шутка, Гунни! Ты испортил пять мешков отборной пшеницы, я этого так не оставлю!

По реке плыли мешки. Хуттунен пренебрежительно плюнул в их сторону. Мельница безмолвно глядела на все это действо, во дворе дымилась охра. Хуттунен зачерпнул ковшом темно-красную краску и побежал за Гнусиненом. Тот стегал коня изо всех сил, конь встал на дыбы и поскакал галопом, колеса телеги так и взвизгнули.

Грозные крики Гнусинена эхом разносились под топот копыт:

– Найдется и на дурака управа! Вязать подлеца!

Течение унесло зерно. Усталый, Хуттунен вернулся на мельницу. Сгреб рассыпанную на полу муку пером глухаря и выбросил из окна в реку.

Глава 8

Полицейский Портимо, старый служака и старший деревенский констебль, благодушно крутил педали выдавшего виды велосипеда, направляясь на мельницу в Суукоски.

Подъехав к мельнице, Портимо заметил, что Хуттунен начал малярные работы. Одна стена была уже выкрашена. У другой на стремянке стоял сам мельник и красил серые стены красной краской.

Гунни дома, значит, не зря приехал, лениво думал Портимо.

Он прислонил велосипед к южной стене мельницы, к той, что еще не была покрашена.

– Ты, вижу, начал обживатьсь, – крикнул он Хуттунену, который спускался с лестницы, держа банку с краской.

Достали папиросы. Хуттунен дал полицейскому прикурить. Чертов Гнусинен наверняка уже пожаловался, что он выкинул зерно в реку.

Сделав несколько затяжек, мельник спросил:

– По делу или просто в гости?

– Я бедный полицейский, зерна у меня нет. Вот по делу Гнусинена приехал.

Докурив и обсудив покраску, полицейский Портимо приступил к официальной части. Он достал из кошелька и протянул мельнику счет. Хуттунен прочитал, что должен Гнуси-

нену пять мешков зерна, принес карандаш и деньги, заплатил и расписался.

Деньги были небольшие, но все-таки он сказал:

– Не зерно – одна шелуха. Даже свиньям не скормишь. Все там, в реке.

Полицейский Портимо пересчитал деньги, убрал вместе со счетом в кошелек, со значением посмотрел на реку.

– Смотри, Гуннар, не возгордись. Когда пристав-то наш услышал про эти мешки, сказал, что тебя надо арестовать. Я его немного успокоил, нашли компромисс. Гнусинен дело тебе говорил. Про твои эти дурацкие выходы.

– Сам он дурак.

– Он сказал приставу, что говорил с врачом, Эрвинен пообещал выдать бумагу, что ты сумасшедший. Возьмут тебя и запрут в сумасшедшем доме в Оулу. Я бы на твоём месте уgomонился. И Сипонен тоже. А ещё, говорят, ты спустил в колодец весы из магазина. Жена учителя приходила, жаловалась и сам Тервола звонил, говорит, что пришлось весы разобрать, потому что теперь они неточно показывают, что покупатели не доверяют его весам. Каждый день в магазине ссоры из-за этого.

– Есть у тебя счет? Давай сюда, заплачу за его чертов безмен.

Полицейский Портимо прошёл по мосту к водяному желобу, прыгнул на землю, набрав воды в прохудившийся сапог. По берегу дошёл до плотины. Хуттонен шагал поза-

ди. Полицейский попытался вытащить бревно, но оно было крепко вбито в дно.

– Мельницу ты в порядок привел, молодец. Не помню даже, чтобы она такой была, разве когда только построили, – похвалил Портимо. – Я помню, когда здесь в Суукоски ее только поставили. Шел 1902 год. Мне было шесть лет. Много муки на ней смололи. Правда, во время войны она пострадала. Хорошо, что ты ее починил, теперь не надо доски и муку из Кеми и Лиедаккалы возить.

Хуттунен, воодушевившись, сказал, что хочет последний кусок этого желоба поменять, вообще красота будет!

– Приделать бы сюда еще пилу. Силы реки хватит. Парочку водяных колес или гонторезный станок побольше и пристроить отвод. Надо будет сделать насыпь, чтобы он был поближе к земле, а так, если сверху полетит, то и убить может. Сколько человек так жизни лишилось! – Полицейский недоверчиво смотрел на место для будущей пилы.

– Если насыпать сюда шестьдесят возов камней и гравия – будет опора для пилорамы. Наверху сделаю склад для бревна и бруса, с запасом.

– А... Теперь понял. Но все-таки нельзя же пилить и строгать одновременно.

– Конечно, колесо-то одно. Да много ли мне надо? Семьи у меня нет.

– Ну да, ясное дело.

Полицейский Портимо представил себе новую пилораму.

Он с симпатией взглянул на Хуттунена и серьезно промолвил:

— Раз у тебя всякие такие планы и мельницу ты починил, перестань заниматься этой ерундой. Я тебе как друг советую. Если тебя отправят в Оулу, мельница развалится, и, кто знает, кто на твоё место придет.

Хуттунен кивнул.

Они спустились с плотины. Портимо взял велосипед, помахал на прощание рукой.

Самый приятный человек в деревне, хоть и полицейский, думал Хуттунен.

Потом он вспомнил о Розе. Вот они два настоящих понимающих друга. Завтра он увидит ее в ольшанике, если дождя не будет. По радио обещали солнечный день и высокое давление во всей Фенноскандии.

Хуттунен опять принялся за мельницу. Если работать всю ночь, к утру в Суукоски будет красная мельница. Говорят, в деревню когда-то приезжали девушки из Хельсинки с одноименным представлением. Они выступали в Кеми и Рованиеми. И юбки у них такие короткие, что видны были трусики и подвязки чулок.

Хорошо работалось в прохладе белых ночей. Рука устала, но спать не хотелось: Хуттунен думал о красивой красной мельнице и встрече с председательшей.

Всю ночь он упорно трудился. Когда воскресное солнце осветило северо-восточную стену мельницы, работа бы-

ла сделана. Хуттунен отнес в сарай стремянку и оставшиеся два ведра краски. Искупался в реке, дважды обошел свое творение, восхищаясь его красотой. Веселенькая получилась мельница!

В прекрасном настроении он вошел в дом, перекусил колбасой и выпил кружку простокваши. Затем направился в сторону Леппасаари. Было раннее утро, и уставший мельник, укрывшись в прохладе навеса, заснул со счастливой улыбкой на губах.

Глава 9

Хуттунен проснулся от колыхания простыни-занавески. Робкий женский голосок прошептал: – Гуннар... Я пришла. Сонный, он высунул голову, пригласил засмущавшуюся председательшу войти в белое пахучее гнездышко.

Она покраснелась, залепетала, что не должна была сюда приходить, что нельзя им так встречаться, что жена Сипоне-на все еще лежит и вставать не собирается... А сколько времени? Похоже, будет хорошая погода...

Они сидели на травяной кровати, смотрели друг другу в глаза и держались за руки. Хуттунену захотелось ее обнять, но председательша отшатнулась.

– Я не для этого пришла.

Мельник довольствовался поглаживанием ее колена. Роза Яблонен тем временем думала, что сейчас она наедине с сумасшедшим, на пустынном острове в лесной чаще. Как она вообще пошла на такой риск? Мало ли что взбредет ему в голову, и некому спасти. Задушит, изнасилует... А куда спрячет труп? Наверное, привяжет к ногам камни и бросит в реку. И только волосы будут колыхаться на поверхности. Хорошо, что у нее не перманент. А может, он ее разрежет на куски и закопает? Роза представила раны на шее, талии и бедрах. Она вздрогнула от испуга, но руку не убрала.

Хуттунен неподвижно смотрел ей в глаза.

– А я мельницу покрасил. В красный. Вчера Портимо приходил, хвалил.

Председательша снова вздрогнула: что за дело полицейскому?

Хуттунен рассказал про историю с Гнусиненом и про счет.

– Пристав заставил заплатить за гнилое зерно как за первосортное. Хорошо, мешков было всего пять.

Председательша стала настаивать, чтобы Хуттунен показался доктору Эрвинену. Неужели он сам не понимает, что болен?

– Дорогой Гуннар, на карту поставлено твое душевное спокойствие. Умоляю тебя, поговори с Эрвиненом.

– Эрвинен всего лишь деревенский врач, что он понимает в душевных болезнях, сам дурак, – сопротивлялся Хуттунен.

– Попроси, пусть лекарство тебе выпишет, если не получается у тебя, как у людей. Есть же успокоительные, он тебе даст. Если у тебя нет денег, я одолжу.

– Стыдно нести врачу свои проблемы, – пробормотал Хуттунен и отдернул руку.

Роза посмотрела на него с нежностью, погладила по волосам, положила руку на высокий горячий лоб. Если сейчас между ними что-то будет, думала она, наверняка родится ребенок. Сейчас рискованно. А бывают ли вообще у женщин безопасные дни, совершенно безопасные? Такой большой мужчина, ему стоит только прикоснуться, и сразу получится ребенок. Сын. Даже подумать страшно. Вначале ста-

нет расти живот, и к осени она уже с трудом будет забираться на велосипед. Союз огородников не отпустит ее в декрет. Хорошо, что ее отец погиб в Зимнюю войну, он бы не перенес удара.

Председатель огородного кружка представила себе сына мельника: крупный младенец с жесткими волосами и длинным носом. Сразу метр ростом. Она будет бояться давать грудь безумному сыну сумасшедшего мельника. Малыш не будет лепетать, как обычные младенцы, а сразу начнет выть, как его отец. И попискивать. Обычная детская одежда ему будет мала, придется шить штаны из мешковины. В пять лет у него вырастет борода, а в школе во время утренней молитвы он завоет. На уроке природоведения станет изображать различных животных, и учителю Коровинену придется выгонять его из класса. А ей будет уже неудобно ходить на кофе к жене учителя. Днем мальчик будет носиться по округе и срывать объявления со столбов. А что еще они с отцом придумают вечерами... подумать страшно!

– Нет. Мне пора. Не надо было вообще приходить. Вдруг кто-то видел?

Хуттунен положил ей руку на плечо. Она осталась.

Есть в нем что-то умиротворяющее, надежное, сложно взять и уйти. Роза Яблонен не хотела уходить. Ей хотелось остаться на целый день и даже ночь здесь, за белой простыней. Обычно сумасшедшие ее пугали, а этот почему-то нет. Гуннар обладал какой-то притягательной силой, кото-

рую умом не понять.

— Я не переживу, если тебя схватят и отправят в Оулу.

— Не до такой же степени я безумен...

Председатель огородного кружка промолчала. Она считала его именно таким... И в деревне постоянно говорили о сумасшедшем Гуннаре. Как бы ей хотелось остаться с ним наедине и чтобы никто посторонний их никогда не видел! Она считала его безумие нормальным, даже веселым, она бы его никогда не упрекнула за это. Да и кто своей голове хозяин? Но деревенские этого не понимали.

Роза стала представлять себе, как они женятся. Гуннар ведет ее в церковь, их венчают в старой губернской церквушке. Новая церковь для этого слишком велика и уныла. В день Святого Михаила. К Иванову дню не успеют сшить платье. Для Гуннара закажут черный костюм, чтобы потом можно было ходить на внезапные похороны. Решено, свадьба на Михайлов день. А весной как раз родится ребенок. Весенние дети — подарок судьбы: летом они пьют не только молоко, но и овощные соки. Теперь Роза представляла себе милую румяную девочку.

И заживут они втроем на красной мельнице. Дочка будет мирно засыпать под журчание ручья. И не будет капризничать, Гуннар смастерит для нее колыбельку, покрасит голубой эмалью. В новое жилье она принесет из дома Сипоненов занавески и сервант из карельской березы. В избушке будет висеть кашпо с цветами, четыре плетеных стула. Ну, хотя бы

два. Радио – на окно, чтобы было видно с улицы. В спальню обязательно двуспальную кровать и ночные столики по обе стороны. Зеркало. Она каждую неделю будет мыть полы и выбивать ковры. Выбивалку можно купить в магазине Терволы. И в магазин будут они ходить всей семьей, Гуннар будет везти детскую коляску. А захочет – останется выпить пива и посудачить с мужиками про зерно. Она может прогуляться назад с женой учителя.

Нет, это невозможно. Если она сейчас же не уйдет, то точно будет ребенок, сумасшедший ребенок от сумасшедшего отца.

Но почему-то председатель огородного кружка никак не могла уйти. Она пролежала с мельником в душистой тени все воскресенье до вечера. Они были счастливы, болтали, держались за руки, Хуттунен гладил ее икры.

Когда опустилась вечерняя прохлада, Хуттунен проводил Розу Яблонен до дороги, где она села на велосипед и поехала к Сипоненам. Мельник повернулся и зашагал в противоположном направлении, к мельнице.

Во те здрасте! Я люблю председательшу, подумал он.

Заходящее солнце так красиво окрасило мельницу, что Хуттунену захотелось завывать – от любви и счастья. Потом он вспомнил, что обещал Розе поговорить с доктором Эрвине-ном.

Мельник накачал заднюю шину и сел на велосипед. Было почти одиннадцать, но спать не хотелось.

Глава 10

Эрвинен жил в старом деревянном доме напротив кладбища, в конце длинной березовой аллеи. Тут была и приемная для больных, и собственное хозяйство старого холостяка.

Хуттунен постучал, и доктор, поджарый мужчина лет пятидесяти, сам открыл ему дверь. Было уже поздно, Эрвинен вышел в пиджаке и тапочках.

– Здравствуйте, доктор. Я пришел к вам на прием, – поздоровался Хуттунен.

Эрвинен пригласил пациента в дом. Мельник рассматривал комнату: на каждой стене висели картины на охотничью тематику. Над камином – набитые головы животных, на стенах и на полу – чучела диких зверей. Пахло трубочным табаком. Это было суровое мужское жилище – огромная комната одновременно служила гостиной, библиотекой и столовой. Несмотря на то что в столовой давно не убрали, Хуттунену она показалась уютной.

Мельник погладил лежавшую перед креслом-качалкой шкуру лося и спросил, сам ли доктор убил животных, чьи останки так богато украшали комнату.

– Большую часть я лично подстрелил, остальные мне достались в наследство от покойного отца. Вот, например, эта рысь и куница на камине. Таких сейчас не найти, перевелись.

Я тут на севере обычно на птиц охочусь, ну и на лис, нескольких лосей мы тут с секретарем палаты завалили...

Эрвинен принялся воодушевленно рассказывать, как он и командир батальона в Восточной Карелии еще во время войны завалили примерно тридцати трех лосей. Эрвинен служил в батальоне врачом, что позволяло ему свободно передвигаться. Он и рыбачил, а сколько рыбы было!

— Однажды мы с майором Караккой наловили целых шестнадцать лососей!

Хуттунен ответил, что прошлой осенью у мельницы тоже наловил много форели и хариуса. Знает ли доктор, что наша река особо богата ими, если идти вверх по течению?

Эрвинен был доволен: не часто попадались достойные собеседники, с кем можно поговорить об охоте и о рыбалке. Мельник, сразу видно, в делах разбирался. Эрвинен пожаловался, мол, чертовски жалко, что в устье реки Кемийоки построили плотину Исохаара, и лосося стало мало. Как было бы здорово наловить рыбы в Кемийоки и зажарить на костре! Но правительству нужно электричество, между маленьким злом и большим добром выбрали последнее.

Эрвинен достал из буфета два бокала на длинных ножках и наполнил их прозрачной жидкостью. Хуттунен поднес бокал к губам и тут же догадался, что это чистый спирт. Напиток обжег горло, медленно опустился на дно желудка, оставив крепкий осадок. Хуттунен сразу же почувствовал прилив бодрости и уважения к доктору.

Тот рассказывал, каких гончих с собой следует брать, когда идешь на зайца.

Затем доктор продемонстрировал Хуттунену коллекцию ружей, которая занимала почти всю стену: тяжелое охотничье, выточенное из японской военной винтовки, изящный штуцер Sako, малокалиберная винтовка и два дробовика.

– У меня только одноствольный русский дробовик, – скромно признался Хуттунен. – Но осенью хочу достать прицельное ружье. Прошлой зимой ходил к приставу за разрешением, но он не дал. Сказал, что я и дробовик должен ему сдать. Чего это он вдруг? Я же больше по части рыбалки.

Эрвинен повесил ружья на стену, осушил бокал и спросил официальным тоном:

– Что беспокоит мельника?

– Ну, говорят, что я немного... не в себе... ну, вы знаете...

Эрвинен уселся в кресло-качалку, покрытое медвежьей шкурой, и изучающе посмотрел на Хуттунена.

Затем кивнул и ответил тоном старого товарища:

– Есть немного. Я не специалист в этой области, но вряд ли ошибусь, если скажу, что ты, Хуттунен, неврастеник.

Хуттунен чувствовал себя просто ужасно: ему было стыдно говорить о таких вещах. Сам-то он осознавал, что он особенный, он всегда это знал. Но какого черта всем остальным до этого дело? Неврастеник... Ну, неврастеник, и что?

– А есть от этого таблетки? Выпишите, доктор, лекарство, пусть жители деревни успокоятся.

Эрвинен задумался. Вот перед ним живой пример: мужик, который страдает врожденным нервным расстройством в мягкой, но ярко выраженной форме. Как тут поможешь? Никак. Ему бы жениться и забыть обо всем. Но кто за чокнутого пойдет? Женщины и так сторонятся больших мужиков.

– Как врач, я бы спросил... Это как-то связано с вашей привычкой выть по ночам, особенно зимой?

– Да, было пару раз прошлой зимой, – смущенно признался Хуттунен.

– А что заставляет вас таким образом выть? Некая навязчивая идея, которую можно прогнать только так?

Хуттунену хотелось уйти, но Эрвинен повторил вопрос, и пришлось ответить:

– Это... происходит автоматически... Вначале появляется желание вскрикнуть. Голову сдавливают, выходит такой громкий вой. Может, я мог бы сдержаться, но пока только так получается. И сразу отпускает. Взвоешь пару раз – и все проходит.

Эрвинен припомнил, что Хуттунен изображал лесных зверей и людей. С чем это связано? Что он этим хотел сказать?

– Иногда на душе так весело, хочется шутить, может, иногда заходит слишком далеко. Обычно я угрюмый, редко такое находит.

– А когда вы в печали, хочется выть, так? – быстро спросил Эрвинен.

– Да, когда грустно, это помогает.

– Вы часто говорите сами с собой?

– Когда выпью, да, о чем только не говорю... – признался мельник.

Эрвинен подошел к буфету, достал пузырек с таблетками и протянул Хуттунену. Таблетки надо принимать, когда становится совсем плохо, и главное – не превысить дозу. Достаточно одной таблетки в день.

– С войны остались. Сейчас их сняли с производства. Принимай только в крайних случаях, увидишь, как действуют. Но только тогда, когда совсем край и хочется завывать.

Хуттунен убрал пузырек в карман и готов был уйти, но Эрвинен сказал, что спать пока не собирается, и пригласил гостя выпить еще по маленькой. Доктор разлил спирт и залпом выпил.

Некоторое время пили молча, потом Эрвинен снова заговорил об охоте. Он рассказал, как охотился ранней весной в Туртоле. У него были два карельских пса-медвежатника, охотились на медведя, тогда они еще выводили потомство в Туртоле. Он приобрел лицензию на охоту. Вместе с хозяином леса подъехали на лошадях к берлоге, лошадей оставили в километре от места, а сами пошли на лыжах с собаками.

– Знаешь, какой адреналин, когда первый раз идешь на медведя! В голову ударяет сильнее, чем война.

– Понимаю, – ответил Хуттунен и опрокинул бокал.

Эрвинен разлил еще и продолжал:

– У меня были тогда знатные собаки! Как учуяли медведя, сразу рванули! Только снег летел во все стороны, когда они забрались в берлогу, вот так!

Эрвинен встал на корточки, изображая собак, которые будили спящего медведя.

– И вылез медведь, как ему не вылезти! Собаки вцепились ему в зад намертво, вот так!

Эрвинен, рыча, рвал зубами шкуру медведя на кресле, в том месте, где должен быть хвост, шкура сползла на пол.

– Я не мог стрелять, боялся попасть в собак! – продолжал доктор, сплевывая шерсть, наполнил стаканы и продолжил представление.

То он изображал собак, то взбешенного медведя. Доктор так вжился в роль, что даже пот на лбу выступил. Когда ему наконец удалось застрелить воображаемого медведя, он живописно отрезал ему язык и бросил собакам. Широкий жест привел к тому, что Эрвинен опрокинул пепельницу. Не заметив этого, охотник вонзил лесному царю нож в горло и пустил на белый снег кровь, потом нагнулся к туше убитого медведя и стал жадно пить его горячую кровь. Кровь была воображаемой, и вместо нее охотник хлебнул спирта. Весь красный, он встал с пола и уселся в кресло-качалку.

Представление произвело на Хуттунена такое сильное впечатление, что он не выдержал, вскочил и принялся изображать журавля.

– Прошлым летом на болоте в Посио я видел журавля. Он

вот так доставал лягушек! Вот так он их заглатывал! – Хуттунен показывал, как журавль извлекал лягушек из болотной жижи, как они исчезали в его длинном горле, поднимал ногу и кричал высоким голосом.

Доктор изумленно следил за представлением. При чем тут журавль? Мельник, что, решил отомстить ему его же оружием? Или Хуттунен правда чокнутый – изображает журавля, которого даже не застрелил. Пронзительные журавлиные крики бесили Эрвинена. Он решил, что безумный мельник решил своим безумным способом высмеять его.

Доктор встал.

– Прекратить! Я не потерплю в своем доме такого издевательства, – строго сказал он.

Хуттунен прервал представление, успокоился и тихим голосом заверил доктора, что не хотел его обидеть. Он просто хотел показать, как ведут себя животные на природе.

– Вы же, доктор, тоже медведя изображали! У вас хорошо получилось!

Эрвинен разозлился: история с медведем была для наглядности, а не чтобы мельник его начал передразнивать, да еще так по-дурачки. Оскорбительно. При этом у него же в доме!

– Убирайся вон!

Хуттунен был ошарашен: неужели доктор из-за такой ерунды рассердился? Удивительно, насколько люди обидчивы. Мельник попытался извиниться, но Эрвинен даже слу-

шать не хотел. Осушив оказавшийся под рукой бокал мельника, он сурово указал на дверь, не спрося даже денег за лекарство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.